

МАШИНА.

И. В. Виноградовъ.

I.

Июльская ночь невнятно бредитъ вокругъ, тихими шорохами приникаетъ къ открытымъ оконцамъ, дышитъ въ избу крѣпкими запахами навоза, картофельной ботвы и еще того прянаго, раздражающаго, что идетъ отъ парного коровьяго вымени.

Тихо въ избѣ Акима, чутко дремлетъ на голбчикѣ дѣдъ, крѣпко спитъ Матрена, умаявшись за день. Не смыкаетъ глазъ только самъ Акимъ, да его сынишка.

Уже не одинъ день сидитъ Петрунька дома. Кругомъ подобралась со спѣшными работами, и сосѣдскіе ребята, освободившись пока-что до жатвы, съ полудня уходятъ къ озеру, на рыбалку, на всю ночь... Тамъ, за стѣнами—теплья тѣни по задворкамъ, негаснущій румянецъ надъ щетиною сосняка, зеленый полумракъ вспотѣвшихъ въ дремотѣ овражковъ, а за овражками—тихая гладь озера... Такъ и подмываетъ вскочить, проскользнуть въ дверь и бѣжать—бѣжать за поскотину, къ озеру, къ ласкамъ ночи... Но юное любопытство Петруньки крѣпко, крѣпче всѣхъ искушений. То необычное, затаенное, важное, что происходитъ между отцомъ и дѣдомъ, неодолимо тянетъ къ себѣ и усаживаетъ дома, точно на цѣпь привязываетъ.

Едва сумерки окутаютъ дворъ, пробирается Петрунька въ свой уголь и тамъ затихаетъ. А когда большіе улягутся по своимъ мѣстамъ, онъ неслышно приподымаетъ съ головы зипунишко и весь отдается ожиданію.

„Скоро-ль?“ Петрунька терпѣливъ. Онъ тарашить глаза, чтобы не уснуть невзначай, и порою легонько щиплетъ себя за ляжку, борясь со сладкою дремою...

Ночь что-то шепчетъ у оконца въ блѣдныхъ листьяхъ осины, да за припечьемъ поетъ сверчокъ. Поскрипитъ, поскрипитъ—смолкнетъ, будто прислушается, и опять за свое.

Мысли, такія легкокрылыя, уносятъ Петруньку къ друзьямъ. Передъ глазами, какъ на-яву, встаетъ озеро... Трещитъ на бережку костеръ, и тянутся красныя лапы, шарятъ въ темнотѣ, будто что-то нащупываютъ... Черная густая гладь озера вспыхиваетъ матовымъ багрянцемъ... У костра свѣтятся чумазья лица... Изъ близкаго лѣса вѣетъ ароматомъ сосны, съ воды—теплою сыростью... Тихо кругомъ...

Демка, самый старшій въ кругу, вполголоса рассказываетъ про лѣшаго... Но не страшно Петрунькѣ... Лѣшаго даже немножечко жаль: старый, весь пѣгій, бродитъ онъ по лѣсу и тоскуетъ по былой таежной глуши: тѣсно стало ему, тѣсно,—разгуляться негдѣ...

— Тятенька!..

Петрунька вздрагиваетъ. Зашуршала отцовская кошонка, слышится дѣланно протяжная позѣвота, и снова осторожное, немного хриповатое:

— Тятенька!..

Это Акимъ зоветъ дѣда.

— Э? — доносится, чуть погода, съ голбчика глухой старческой голось.

— Дакъ какъ-же... надумалъ, што-ли?

Слышно, какъ дѣдъ, поскрипывая голбчикомъ, поворачивается на бокъ. Но не отвѣчаетъ.

— А! Тятенька!—опять, уже болѣе настойчиво зоветъ Акимъ.

Долгое томительное молчаніе. Вытянувшись въ струнку, Петрунька таитъ дыханіе. Хочется почесать спину, да нельзя—услышать еще... Гдѣ-то за огородами явственно кричить перепелъ.

— Тятенька-а!..

— Во-осподи праведный!..—стонеть дѣдь.—Дай ты мнѣ покою, старику... Акимъ!... Дай, мошь, покою...

Акимъ покорно смолкаетъ, но не надолго.

— Главное дѣло,—бормочетъ онъ, какъ бы про себя:—главное дѣло, никакого, то-ись, рашоту нѣтъ... Позови человѣка съ жаткой, дай ему пару цѣлкашей... съ десятины... Сорокъ десятинь—восемьдесятъ цѣлкашей... Эвонъ, куда вѣдетъ! А ежели три года да по восьмидесяти... два ста сорокъ... Сумна!.. Опять же, поденщики, бабы... Быка стравишь, пару барановъ... А народъ какой пошелъ... Его не шевелишь, а чуть што—недовольство!.. Не приведи Богъ!..

... Дѣдь упорно молчить.

— Весной наймывай, къ страдѣ наймывай,—продолжаетъ Акимъ:—да это че-же такое выйdetъ?..

И, помолчавъ, начинаетъ вкрадчивымъ, молящимъ голосомъ:

— Тятенька, слышь?.. Ты бы не того... не сумлѣвался бы... Похоронить тебя—похороню, не хуже другихъ... Сынъ я, поди, да и достатку хватить... А тутъ, главное, ждать некогда... Утресь глядѣль—доспѣвать! Краснымъ—красно!

Скрипитъ голбчикъ, и оттуда идетъ раздумчивое:

— Ка-акъ? доспѣвать, го-во-ришь?

— Какъ-же!—оживаетъ голосъ Акима:—зерно-ужъ зарумянилось!..

Дѣдь вздыхаетъ и что-то шепчетъ про себя.

„Забираетъ стараго хрыча“,—думаетъ Петрунька.—„Сдается таки, упористый“...

Сверчокъ тренькаетъ гдѣ то надъ самымъ ухомъ. Изъ пригона подаетъ заспанный голосъ корова.

„Сгрезилось бурой“...—думаетъ Петрунька, улыбаясь, и забывается короткимъ, чуткимъ сномъ... Будто посвѣтлѣло надъ озеромъ, Демка сидитъ у костра на корточкахъ... И опять—о лѣшемъ.. Старый, пѣгій весь, плетется онъ къ утру въ Синій Логъ, на самое днище—отъ людей подальше, а какъ ночь—ходить по лѣсу, глядитъ на чашу звѣздную и плачется: „Эхъ, все запахали мужики, раскряжили таежное, оголили дернистое, а мнѣ—куда?“—„Ку-у-да...“ тянетъ жалостливо въ лѣсу ночная птица. И трещитъ костеръ, и ме-

чутся красныя лапы... „Такъ... такъ“... говорить кто-то протяжно да горестно.

Петрунька открываетъ глаза.

— Такъ-то, сынокъ...—слышится тугой голосъ дѣда.— Бывало, въ топорѣ—все хозяйство: туды топоръ, сюды топоръ... Топоръ—всему дѣлу голова... Жили, сынокъ, кормились...

— Кака ужъ жисть-то,—тихо отзывается Акимъ.

— Нынче у каждаго,—продолжаетъ свое дѣло,—и то, и се... Молотилка не молотилка! Косилка не косилка! Плугъ не плугъ... Все подай... А мы съ серпами ее, матушку, да сошенькой... А у сошеньки-то, сынокъ, донышко зо-ло-то-е...

Кто-то возится на потолокъ и шлепаетъ мягкимъ, точно рукавичками... „У-у...е-е...у-у...“—доносится сверху глухое, тревожное... И ночь кругомъ откликается тихими голосами...

„Пѣтушиное утро, а наши брунчатъ все“...—мелькаетъ въ головѣ Петруньки; ласковая теплота льнетъ къ его глазамъ, и они, сами собою, закрываются... Но просыпается вновь отъ тяжелаго возбужденнаго голоса отца.

— Ну-у!.. Теперь какъ поглядишь на старое-то—мука одна...

— Мука муку любить, сынокъ!.. Такъ-то...

Дѣдъ говоритъ тихо, и въ отвѣтъ его слышится скрытая покорность. Акимъ то и дѣло срывается и взволнованно сопить носомъ.

— А ты, сынокъ, не горячи... сердца свою!—скрипитъ старикъ:—я—не супротивъ, къ слову сказывалъ... Жили, моль, ранѣ...

Старый спокойный голосъ убаюкиваетъ Петруньку. Затихаютъ осиновыя листья за оконцами; смолкаетъ сверчокъ у припечья...

И снова, уже далеко за полночь, Петрунька, какъ от толчка, открылъ глаза и насторожился. Ему казалось, что спать онъ всего минутку, и въ ухахъ еще стояли голоса отца и дѣда. Но уже заалѣлъ уголь печи, и изъ ближняго распахнутаго оконца идетъ свѣжее дыханіе утра.

Петрунька приподнял голову и оглядѣлся. Тихо колыхалась пушистая борода отца. „Спигъ... А дѣдъ?..“

Чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности, плотно сжалъ вѣки и замеръ.

Сутулый, въ длинной холщевой рубахѣ, съ обнаженными, остро выпирающими ключицами, дѣдъ осторожно спускался съ голбчика. Тихо ступилъ на полъ, половица скрипнула... Кашлянулъ въ руку...

Петрунька не выдержалъ и приподнялъ все время неудержимо вздрагивавшій вѣки.

Дѣдъ, поблескивая лысиной, стоялъ у печи и глядѣлъ въ сторону Акима. Въ запавшихъ глазахъ его теплилось что-то, такое мягкое, утреннее, отчего у Петруньки радостно заколотилось сердце.

Дверь пискнула... Петрунька сбросилъ зипунишко съ ногъ и, сверкая глазами, отъ любопытства разинувъ ротъ, прокрался на ципочкахъ за старикомъ.

Въ сѣняхъ, овлажнѣвшихъ за ночь, пахло гарью, гдѣ-то вверху, должно быть, на крышѣ, бодро чирикалъ воробей.

Дѣдъ шелъ по двору къ амбару. Петрунька тѣню мелькнулъ по завалинкѣ. Спугнулъ изъ пыльной ямы квохчущую курицу и, щуря глаза отъ свѣтящагося воздуха, побѣжалъ у прясель, купая босыя ноги въ густой росѣ картофельной ботвы. Вотъ и грузный, освѣшій задъ амбара.

Припалъ къ щели между бревенъ. Замеръ, глубоко вдыхая въ себя запахъ лежалаго зерна. Гулко колотилось сердце.

Въ тепломъ сумракѣ амбара дѣдъ, не спѣша, прошелъ въ дальнй уголъ. Полоса розоваго свѣта, бьющаго изъ дыръ навѣса, легла на лысину, пучковатыя брови, широкій носъ и жилистый коричневый загривокъ, покрытый серебристымъ пушкомъ.

Непослушно оттопыренными пальцами долго нащупывалъ старикъ стѣну. Кряхтя, вытащилъ клинъ изъ бревна, просунулъ въ дыру пальцы и вытащилъ тряпицу... Перекрестился мелкими взмахами руки.

„Ага, сдася таки!“—пронеслось въ головѣ парнишки. Оглянулся—не смотритъ ли кто, и снова приникъ къ щели.

Дѣдъ одуль кошель, осмотрѣлъ его и бережно засунулъ въ карманъ своихъ портовъ.

Юлою завертѣлся на мѣстѣ Петрунька...

Упругій, сочный небосклонъ наливался золотомъ, и чудилось, что это отъ него пали на зелень крупныя сверкающія капли. Распластавъ книзу грузныя вѣтви, пѣла голосами пичужекъ старая мѣдностволояя сосна... Близилося солнце.

Петрункѣ страстно захотѣлось подѣлиться своею радостью... На мигъ задумавшись, онъ вытянулъ трубочкой губы и съ пронзительнымъ посвистомъ бросился къ прясламъ. Ухватившись за колъ, перескочилъ на другую сторону. Обжегъ въ крапивѣ голую ляжку... Прыгая на одной ногѣ, потеръ рукою больное мѣсто и, что было духу, пустился бѣжать по теплому пуху дорожной пыли, оставляя слѣды пальцевъ. Вздурораженная, выскочила изъ подворотни собаченка и хрипло залаяла; забытый съ вечера на перекресткѣ, пестрый телокъ недоумѣнно поднял голову, позвякивая боталомъ.

Бѣжалъ Петрунка, стараясь держать прямую линію, проворно вертя обѣими руками, будто подгребая воздухъ къ животу, и то-и-дѣло протяжно гудѣлъ, изображая собою пароходъ. Видывалъ онъ такое на Оби, у города. Воздухъ свистѣлъ въ ушахъ, мелькали по сторонамъ зарумянившіяся стекла оконъ, сѣрыя прясла и купы тальника за ними... „У-у-у!“ вывелъ „пароходъ“, стремительно повернулъ за уголъ и чуть не ударился грудью объ оглоблю таратайки.

На углу, почти у самой поскотины стояла нагруженная бочкообразнымъ металлическимъ цилиндромъ таратайка Доримедонта, сборщика молока отъ маслодѣльнаго завода. Рыжебородый, круто выпятивъ оголенную огненноволосую грудь, стоялъ самъ Доримедонтъ подлѣ сивой кобылы и, надувъ щеки, дудилъ въ рогъ.

„Ту-р — ру-ру-у-у“... — неслось тревожное въ ясномъ чуткомъ воздухѣ. Порою рыжебородый отрывалъ рогъ ото рта, сплевывалъ, обтиралъ деревянный конецъ рукавомъ рубахи и бурчалъ про себя:

— Ишь, як-корь ихъ, засони! Пробаловались съ мужиками ночь... Як-корь васъ!..

— Ты куда, шелудивый?—рявкнулъ онъ, завидя парнишку.

— Къ Оокинымъ я, на пасѣку! Ребята тамъ!—прокричалъ Петрунька на-бѣгу и шмыгнулъ въ ворота поскотины.

— Эдаку-то ранъ?!—неслось за нимъ басистое.

Петрунька вдругъ остановился и круто повернулъ назадъ.

— Дяденька!..—захлебываясь, обратился онъ къ Доримедонту:—Слышь, че я те скажу-то!..

Но тотъ не откликнулся, даже бровью не повелъ, съ видимымъ наслажденіемъ бросая навстрѣчу жидкому утреннему вѣтерку свое вызывающее: „Ту-ру-ру-у“..

На улицѣ уже скрипѣли ворота.

— Рыжій грибъ!—крикнулъ Петрунька Доримедонту, обиженный его невниманіемъ.

— Рыжій! рыжій!..—звенѣлъ онъ, убѣгая прочь.

„Под-по-лю... под-по-лю“...—выкрикивали перепела изъ свѣтящейся чаши пшеницы. Въ густой и свѣжей, точно омытой ночными росами синевѣ неба, четко кружилъ первый коршунъ.

— Шу-гу-у!..—послалъ вверхъ Петрунька, ухватилъ разсыпающійся комъ земли, бросилъ его къ небу и снова бѣжалъ, сверкая пятками, то-и-дѣло поддергивая штанишки.

Вотъ послѣдній клинъ молочной гречихи. Пчелы пѣли ей свои утреннія пѣсни... И вдругъ пахло пьянымъ духомъ: то конопля курилась подъ первымъ горячимъ лучемъ...

...Когда Петрунька вернулся съ поля въ свою избу и увидѣлъ сосредоточенно радостныя лица отца, матери и дѣда, онъ понялъ что тутъ все уже свершилось. Только въ сторонѣ чего-то хмурился работникъ Матвѣй, но Петрунькѣ было не до него.

Чаевали, и особенно весело шумѣлъ самоваръ, особенно весело звенѣли чашки.

— Ты куды, пострѣлъ, запропастился?—спросила мать, но въ голосѣ ея не было сердца. Помолчавъ, она ласково сказала:

— Ну, Петрунька, кланяйся дѣдушкѣ въ ножку... Онъ те на машину даль!...

— Зна-аю!..—вырвалось у Петруньки.

II.

На той же недѣлѣ Акимъ и Петрунька были въ городѣ. Дѣдъ отказался ѣхать съ ними: „чего онъ тамъ не видалъ!“—а Матвѣй остался дома.

На постояломъ дворѣ, грязномъ, вонючемъ отъ ржавыхъ навозныхъ лужъ, распрягли лошадей и дали имъ корму, а дроги вдвинули подъ навѣсъ.

Акимъ продѣлывалъ все не спѣша, въ прохладку. Важное замысловатое дѣло требовало медлительной задумчивости въ каждомъ шагѣ.

Но Петрунька лихорадочно нетерпѣливо хлопоталъ.

Натужась, тащилъ въ амбаръ дуги, торопясь, подбиралъ сбрую, бойко сматывалъ возжи. На ходу смахивалъ съ лица рукавомъ рубахи потъ и сморкался, притыкая носъ большимъ пальцемъ.

Пошли пить чай. Въ заѣзжей было людно и шумно, сизыми ключьями плавалъ у потолка табачный дымъ и подъ кругомъ, накопченнымъ висячей лампой, кружилась стая пьяныхъ мухъ.

— Ты, тятенька, попроворнѣй-бы,—совѣтывалъ Петрунька. Самъ онъ, торопясь и обжигаясь, тянулъ чай изъ блюдца, не подымая его отъ стола.

Но Акимъ, сморщивъ лобъ, надувъ потныя, густо заросшія щеки, какъ на зло, медленно дулъ въ блюдечко и, купая въ горячей влагѣ усы, дѣлалъ маленькіе, сочные, съ перерывами, глотки. Наконецъ, поднялся изъ-за стола. Долге обыкновеннаго крестился въ уголь, откашлялся, перепоясаясь и, скрытымъ жестомъ пощупавъ рукою за пазухой, гдѣ были деньги, сказалъ:

— Ну, айда!

У Петруньки тревожно дрогнуло сердце. Онъ оглядѣлся кругомъ, и всѣ люди, толпившіеся въ заѣзжей, показались ему чужими и подозрительными. „Ишь, глазами-то тыркаютъ... На-ародъ!“ — подумалъ Петрунька, и почему-то вспомнился ему дѣдъ, провожавшій ихъ за околицу, и его слова: „Городъ... съ нимъ ухо держи востро“...

На улицѣ Петруньку чуть не задавила извозчичья

пролетка, обдавъ его горячимъ облакомъ пыли. Акимъ во время отдернуть парнишку за локоть:

— Не распускай воронъ!

За высокой рѣшеткой желтѣли крылья жатокъ, гори подъ солнцемъ

— Чья торговля-то?—не останавливаясь, кинулъ Акимъ.

— То-варищ-ество То... толь... и... Ко... ком-па-нія..—прочиталъ Петрунька вслухъ, воззрѣвъ на огромную голубую вывѣску.

— Ладно, пойдѣмъ дальше...

Но ихъ замѣтили.

— Что покупаете?.. Эй, земляки!..

Акимъ, не отвѣчая, прибавилъ шагу.

— Эй! послушай-ка!..—кричали вслѣдъ.

— Тягенька, намъ, вѣдь...

— Иди, знай,—пробурчалъ Акимъ, упорно глядя передъ собою.

Когда прошли мимо широкихъ оконъ, заваленныхъ самоварами, кострюлями, коробками гильзъ и табаку, и завернули за уголь, Акимъ перевелъ духъ и строго сказалъ Петрунькѣ:

— А ты помалкивай!.. Самъ слышу...

— Да, вѣдь, складъ тамъ.. машинный... — недоумѣнно отозвался тотъ.

— Скла-а-адъ... Чудакъ! Не съ середки, поди, зачинать будемъ, а съ краю.. Вотъ далѣ спустимся, тогда и... Господи благослови!.. А складовъ, братъ, тутока нечало, только, яз-зви ихъ, не всякому вѣрь... Все надо исподволь... съ оглядкой съ ними...

Оглядѣлись.

— Казенный-то прошли?..

— Нѣтъ...

Спустились по песчаной улицѣ, мимо цѣлаго ряда земельческихъ складовъ, мимо пивной и какого-то амбара...

— Теперя можно... Въ энтотъ вонъ зайдемъ-ка...

Петрунька, стараясь оставаться за спиной отца, вошелъ вслѣдъ за нимъ въ раскрытыя ворота, на которыхъ красовался плугъ, поблескивавшій отваломъ.

Глаза парнишки впились въ массивный остовъ машины, съ полотнами на широкой платформѣ, съ десятками валиковъ, цѣпей, зубчатыхъ колесиковъ и щитовъ.

„Она“!

— Гм!.. На всемъ дворѣ — одна единешенька, — сказалъ Акимъ, зорко оглядывая изъ-подъ пучковатыхъ бровей широкий дворъ.

Вышелъ здоровый, чернобородый человѣкъ, въ картузѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Здорово, братецъ, чего хотѣлъ купить?..

Ласковый, шурилъ влажными черными глазками, точно прицѣливался.

Акимъ крикнулъ.

— Такъ мы... мимоходомъ, невзначай зашли...

Петрункѣ машина не понравилась: жидкая какая-то и краска мѣстами слѣзла, старой выгладить.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ тихо, толкая отца въ бокъ: — слышь, пойдемъ!

— Да вамъ чего, собственно? — допрашивалъ чернобородый. — Можетъ, жаточку хотѣли?..

— Намъ-то? Нѣ-ѣтъ! — заторопился Акимъ, кося глазами. — Кака тамъ жатка! Такъ мы... Невзначай..

Снова крикнулъ и молча направился къ выходу.

— Да ты скажи толкомъ-то! — заговорилъ чернобородый, не отставая отъ Акима. — Ну, что тебѣ у насъ не поглянулось? Ну?.. Слава Богу, торгуемъ не первый годъ, всѣ много довольны... Эй! — закричалъ онъ въ глубь двора и уже не шурился, а какъ-то упрямо, туго двигалъ подъ красными жирными щеками скулами. — Эй! Егоръ! Дай-ка рекламы...

— Да мы ниче... — Заговорилъ опять Акимъ... — Мы не лихоманимъ... Главно дѣло, такъ мы, мимоходомъ... Дай, молъ, поглядимъ...

— Ну, Богъ съ тобой, — вздохнулъ чернобородый. — Только напрасно... Магарычу бы выпили.. На, вотъ, возьми..

Онъ протянулъ пачку книжекъ въ коричневыхъ обложкахъ и картонъ, свернутый трубкой.

— Да нашто намъ? — оговорился Акимъ, но взялъ, спряталъ книжечки за пазуху, а трубку передалъ Петрункѣ.

Черезъ часъ книжечки и трубочки разныхъ размѣровъ и цвѣтовъ торчали у Акима и Петруньки отовсюду: изъ-за пазухи, изъ-за кушака, изъ-за голенищъ обуви.

Подымаясь по улицѣ, они не пропустили ни одного склада. Глядѣли, щупали, толковали, а толку все не было... То въ цѣнѣ не сходились, то въ срокахъ кредита, то машина не нравилась. Отъ быстрой смѣны машинъ у Петруньки рябило въ глазахъ, и голова кружилась. Акимъ хмуро жеваль пересохшими губами и то и дѣло скорбно сплевываль слюну. Оба были въ пыли. Горячая песчанъ забиралась въ ротъ, носъ, уши и сѣрымъ налетомъ покрывала лица. У Петруньки, какъ изъ подъ маски, ярко сверкали зубы. Въ сердцѣ парнишки была растерянность; думалось, что сноповязалки ужъ и не купить имъ никогда. Прежней деревенской живости не было, казалось, сталъ старше своихъ лѣтъ.

— Ба-ать,—нылъ онъ:—Давай, че-ли, у этихъ возьмемъ!..

— Поговори ищо!..—рычалъ Акимъ. Но уже и самъ те рялся. Въ городѣ онъ былъ не впервой, еще прошлую осенью покупаль двухлемешку и каждую зиму, обычно, по нѣскольку разъ, возилъ на продажу зерно, но до сихъ поръ не могъ свыкнуться... Было такое чувство, точно кругомъ разставлены сѣти и капканы, и надо было идти, сторожко, оглядываясь... „Шутка сказать,—стояло въ головѣ настойчивое, тревожное,—четыре ста цѣлковыхъ... не грибы, вѣдь—четыре ста“.

Въ казенномъ складѣ чуть не порѣшили купить: прошлую осень плугъ тутъ взяли... Но спохватились.—„Купить-то купишь, да потомъ какъ? Кабы за наличныя, а то часть отдай, остальные по срокамъ... А казна—казна и есть: чуть въ срокъ не додалъ, сейчасъ—за хребетъ... Волостной, тамъ, урядникъ... Давай!“

А тутъ еще мужики попались у воротъ. „Сноповязки, говорятъ, туды-сюды, да вотъ бѣда—частей запасныхъ нѣтъ... Горе! Три раза наѣзжали, все безъ толку“...

Наконецъ, уже въ полдень, когда вся улица, какъ большая, жарко натопленная печь, дышала пыльнымъ зноемъ, снова пришли къ большой голубой вывѣскѣ.

— То... то-о-оль!—прочиталь Петрунька.—Нѣмцы, должно...

— А ты не болтай-ка!..—досадливо отозвался Акимъ.

Вошли на просторный дворъ, и у Петруньки снова разбѣжались глаза. И, пока отецъ толковалъ съ приказчикомъ, онъ глядѣлъ по сторонамъ и никакъ не могъ наглядѣться. Чего тутъ не было!.. Голубые плуги, съ стройно поднятыми грядилиями; грузныя молотилки на зубчатыхъ колесахъ; бѣлые, какъ кипень, жернова, огромными калачами грудившіеся у стѣны; гора ящиковъ подъ навѣсами, цѣлый рядъ золотыхъ жаточныхъ крыльевъ и, надъ всѣмъ, какъ большой черный палецъ, подняла вверхъ свою трубу паровая машина... А вотъ и сноповязки: одна, другая, третья!.. Уйма!..

„Складъ ахтителный,—рѣшилъ Петрунька:—сурьезный складъ“... И когда увидѣлъ отца, снова направляющагося къ выходу, чуть не заплакалъ отъ досады.

— Ты куды,—нагналъ онъ его и зануль:—опя-я-ть трекнулся...

— Поговори у меня!..

Приказчикъ, весь, начиная отъ сапогъ и кончая бороденкою, пыльный, держалъ Акима за рукавъ рубахи и причиталъ, видимо, теряясь:

— Да ты постой! Хоть ногъ-то своихъ пожалѣй! Слушай, вотъ что... Эхъ! да и безтолочь, право!

Въ конторѣ распахнулась дверь, на крылечко выскочилъ простоволосый человѣкъ въ пиджакъ и, взмахивая рукой, зычно закричалъ:

— Эй, милый человѣкъ! Зайди-ка въ контору. Эй, слышь, на минутку!..

— Да пошто? — отбивался Акимъ, но уже неувѣренно и вяло.—На што мнѣ контора-то?

— А ты зайди, не съѣдимъ тебя...—приговаривалъ простоволосый человѣкъ; онъ сбѣжалъ съ крылечка и подхватилъ Акима подъ руку.—Чего уперся-то быкомъ?..

Акимъ покорился, но въ головѣ его ныла мысль: „Пріѣхать-бы черезъ день... Дѣда взять, чего ли?.. Все-таки—старикъ резонный!“..

III.

Косые лучи солнца, заглядывая въ контору, трепетными пятнами играли на грязномъ полу, на пестрыхъ плакатахъ,

развѣшанныхъ по стѣнамъ, на желѣзномъ ржавомъ болтикѣ и сломанной зубчаткѣ, брошенныхъ на подоконникъ.

Акимъ истово перекрестился на образокъ, высѣвшій въ углу надъ грузнымъ ящикомъ кассы.

— Здравствуйте-ка...

— Мое почтеніе, — отозвался сѣролицый юноша, постучалъ по листу развернутой книги прессъ-папье, провелъ рукою по своей прическѣ ежикомъ, и поднялся отъ стола.

— Присаживайтесь, гостями будете! — зычно заговорилъ человекъ въ пиджакѣ, таща Акима къ скамьѣ. — Садись-ка, молодой человекъ...

Петрунька первый опустился на кончикъ скамьи, за нимъ Акимъ, бѣгая глазами по стѣнамъ.

— Я завѣдующій складомъ, — ласково и внушительно началъ человекъ въ пиджакѣ. — Въ чемъ же вышло у васъ дѣло? Зачѣмъ обижать насъ? Даже зайти не хотѣли...

— Пошто не хотѣли? Торопимся мы... — сказалъ Акимъ, сгребая пышную свою бороду въ кулакъ и зорко вглядываясь въ завѣдущаго: — сутулый, голова и бородка съ просѣдью, усы этакіе представительные, пѣгіе; лобъ, какъ у важнаго барина, крутой, а глаза хоть и поношенные, старые, но такіе серьезные, пытливые, настойчивые.

— Вамъ сноповязалочку?.. — голосъ у завѣдущаго былъ то зыченъ и суровъ, то вдругъ падалъ, мягчалъ, становился кротко заискивающимъ.

— Ее, — угрюмо отвѣчала Акимъ и вдругъ снова безпокоился и поднялся на ноги. „Старика бы надо“, метнулось въ головѣ.

— Да ты сиди! Чай будемъ пить... Андрей! поставь-ка самоваръ... скорѣе!..

— Мы попили...

— Ничего, насъ не разоришь, денегъ за чай не возьмемъ... Хе, хе!..

Приказчикъ бросился въ дверь, а завѣдующій потеръ руки и, какъ ни въ чемъ не бывало, будто-что началъ говорить, спросилъ:

— Какъ же звать-то тебя, милый человекъ?

— Акимомъ, звали, Федосѣевымъ, — хмуро отозвался Акимъ.

— Такъ что-же, Акимъ Федосѣичъ,—возьми у насъ сноповязалочку-то!..

— Успѣемъ, еще, завтра зайдемъ, не то...—заговорилъ Акимъ, снова подымаясь.—Седня поглядѣть только хотѣли... А завтра, можетъ...

— Чего завтра! — заторопился завѣдующій, усаживая снова Акима. — Товаръ — лицомъ... Тебѣ говорилъ приказчикъ? Американскія у насъ машины... Понимаешь? Максъ Трой! Фирма такая.. заграничная! Максъ Трой — на весь свѣтъ!..

— Вы откуда будете?—подошелъ сѣролицый конторщикъ.

— Изъ Плосской мы... Косихинской волости,—бойко отвѣчалъ пріободрившійся Петрунька.

— Господи! — завѣдующій ударилъ себя въ грудь. — Да въдь у насъ всѣ ваши берутъ!..

— Чьи таки?—заинтересовался Акимъ и поднялъ глаза.

— А вотъ сію минуту-съ...

Завѣдующій бросился къ столу, схватилъ въ руки кипу красныхъ ордеровъ и, кинувъ на носъ пенснэ, принялся перелистывать.

— Андреевская волость... Мочишенская... Заселокъ Топорковъ, Косихинской волости... Вотъ!

— Далеко это отъ насъ,—замѣтилъ Акимъ.

— Найдемъ поближе...

Онъ зачитывалъ деревню за деревней, имя за именемъ, при этомъ называлъ покупки: то плугъ, то молотилку, то жатку... Наконецъ, добрался до Плосской... Сіяющей подхватилъ пачку ордеровъ и поднесъ ее Акиму.

— Читай!

— Петрунька, глянь-ко...

— Деревня Плоская, Косихинской волости,—раздѣльно и зычно читалъ завѣдующій передъ Петрунькой, тыча пальцемъ по строкѣ:—Гляди... Плос-ска-я... Семень Терентьичъ... По-пыл-кинъ!..

— Знаю, — улыбнулся Акимъ, — кумъ онъ мнѣ... што взялъ-то?

— Плужокъ, номеръ третій... Десять рублей задатку даль...

— Этого знаемъ...

— То-то-же... Доволенъ онъ плужкомъ?

— А ладно ..

— Вотъ видишь!.. Да у насъ весь товаръ въ славѣ! По Сибири нашихъ болѣе ста складовъ, и всюду народъ доволенъ!.. А сноповязалки теперь на роличномъ ходу, усовершенствованныя! Запасъ всегда есть! Монтера дадимъ... Все честь-честью... Наша фирма, милый человекъ...

— Наша фирма, слава Богу!..—подхватилъ конторщикъ, развертывая предъ Акимомъ пестрый плакатъ. — Вотъ, гляди... Большая золотая медаль,—въ Орлѣ дали за плуги!.. Большая серебряная — въ Курганѣ!.. Еще серебряная — въ Омскѣ!.. И орла дали! Видишь? орелъ!..

— Я не хулю, — нетерпѣливо отозвался Акимъ и тихонько поднялся съ мѣста.—Каждый себѣ не врагъ—всѣ хвалятъ...

— Не похвалишь—не продашь, — примирительно вставилъ завѣдующій.—Ну, такъ какъ-же?..

— Да никакъ!..—сказалъ Акимъ. Онъ снова встревожился, понявъ, что дѣло идетъ къ концу.—Вотъ, завтра утрачкѣмъ придемъ... Посмотримъ, какъ и что... Сообразимъ...

— Значить, — повысилъ голосъ завѣдующій:—Значить все это... цѣлыхъ полчаса... напрасно? Значить, тебя никакимъ словомъ не примешь, а?..

— Птицу кормомъ, человекъ словомъ обманываютъ,—твердо сказалъ Акимъ и, угнувъ спину, направился къ двери.—Завтра придемъ... Подумать надо...

Завѣдующій на минуту, какъ былъ, застылъ на мѣстѣ.

— Тыфу!—плюнулъ онъ, какъ-бы приходя въ себя.—Черти!.. Гортанью кровь пойдетъ, а васъ не уговоришь... Развѣ вы люди!

Акимъ, насупясь, взялся за ручку двери.

— Петрунька, идемъ...

— Иди, иди!..—уже кричалъ завѣдующій:—Пожалуйста!.. Иди!.. Безтолочь, овца!..

Но когда Акимъ ступилъ за порогъ, завѣдующій подлетѣлъ къ нему, ухватился за рукавъ его рубахи и снова потащилъ въ контору.

— Тебѣ хоть колъ теши на головѣ, ты все свое: пойду пойду! Да куда тебя шутъ несетъ-то?.. Въ свой складъ, что-ли!

Завѣдующій приходилъ въ ражъ и почти кричалъ.

— Вчера пришелъ одинъ болванъ! Толковали—толковали... ушелъ! У Теминыхъ молотягу взялъ, а она—старье!.. Плачется... А горю-то ужъ не помочь... Близокъ локоть, да не укусишь!.. Развѣ вы люди! Развѣ вы понимаете слово человѣчье!.. Гляди-жъ, уйдешь—кулакомъ слезы утрешь!.. Иди!..

— А ты не кричи,—сказалъ глухо Акимъ, растерянно бѣгая глазами, и нерѣшительно опустился на скамью.

— Тятъ, давай возьмемъ... шепталъ Петрунька.

— Цыцъ, ты!..

— Какъ-же на васъ не кричать!—не унимался завѣдующій:—Кабы ты толкомъ что сказалъ, а то заладилъ свое завтра, да ужо!.. Ну, что тебѣ непригоже? Ну?..

— Цѣна у васъ высока,—угрюмо отвѣтилъ Акимъ.

— Триста девяносто? Съ передкомъ-то!..

— Въ казенномъ... на восемь ниже...

— Что-о?.. Да ты...

— А шпагать у васъ почему?—спросилъ торопливо Акимъ, предотвращая новый взрывъ хозяйскаго негодованія.

— Тринадцать съ полтиной... Ка-азенный!.. Да ты...

— А сроки уплаты у васъ каки?—продолжалъ Акимъ, видимо, уже что-то рѣшая про себя.

— Чего сроки! Сойдемся... Это—не толкъ,—какъ-то вдругъ смягчаясь, заговорилъ завѣдующій:—Какъ людямъ, такъ и вамъ... А чай-то, Акимъ Федосѣичъ, готовъ... будемъ пить... Андрей, бѣги за булкой!..

— А лошадей сколько въ упряжь требуется?—допрашивалъ Акимъ.

— Три, больше не надо...

— Поди, и четыре впрягешь?.. Посмотрѣть бы еще, машину-то...

Вскорѣ пили чай. Петрунька шумно тянулъ изъ блюдечка и со вниманіемъ вслушивался въ то, о чемъ съ жа-

ромъ рассказываль Акимъ завѣдующій. Тутъ была и Америка, и необыкновенныя американскія машины, и многое другое... Когда допить былъ пятый стаканъ, Акимъ, распоясываясь, называя завѣдующаго по имени и отчеству, заговорилъ:

— Ты, вотъ, Гордѣй Лександрычъ, обижаешься: пошто, моль, человѣкъ толкуеть долго... то-ись, мы-то. А какъ сразу?

— Это вѣрно,—поддакивалъ тотъ, похлопывая Акима по колѣну.—Еще стариками заказано: семь разъ отмѣрь—разъ отрѣжь... А все же подовѣрчивѣй-бы къ намъ... Трудно съ вами!..

— Трудовъ много,—согласился Акимъ.—Да и купить нелегко...

— Э, нѣтъ!.. Купить, братъ, что вошь убить, а вотъ продать, вродѣ какъ... блоху поймать... Трудненько!..

— Правильно,—оскаблился Акимъ.—Ну, такъ, давай, чего-ли?.. Шибко ты, Гордѣй Лександрычъ, цѣпокъ: отъ тебя не уйдешь... Дакъ... Значить, на три срока? Къ зимнему Николѣ первой?..

— Отъ своихъ словъ не отопремся...

— Ну, дакъ, Господи, благослови!..

Встали и оба истово перекрестились въ уголь.

-- Пиши!..

— Ну, Петрунька, теперь, что Богъ пошлетъ,—сказаль Акимъ трепетнымъ голосомъ:—Купили!..

— Не безпокойтесь,—отозвался завѣдующій, подымая надъ бумагой голову и поправляя пенснэ:—Друзьями будемъ!..

— Фальши бы только какой не вышло, Гордѣй Лександрычъ... Опять-же, монтера не задержи!..

Акимъ каракулями подписаль долговое обязательство, вынулъ изъ-за пазухи платокъ, развязаль бережно и отсчиталь полтора ста рублей.

— Стариковы денежки, батьки мово... На похороны копилъ, а вишь, куды приспѣли!..

Въ сумеркахъ повезли сноповязалку въ разобранномъ видѣ домой на трехъ подводахъ. Петрунька сидѣль на

высокомъ коробу и буйно похлестывалъ лошадь. Иногда онъ оборачивался къ отцу, примостившемуся на заднихъ дрогахъ, и кричалъ важнымъ хозяйственнымъ голосомъ:

— Поглядывай тамъ, не свалилось бы чего!

Акимъ молча отмахивался рукой. Этотъ день задалъ ему гону, иной страдный день не смаривалъ такъ...

И только, когда перебрались черезъ Обь на паромъ, и потянулись родныя молчаливыя поля, залитыя багрянцемъ заката, Акимъ вздохнулъ полною грудью... Конецъ мытарствамъ!.. Городъ, взявъ у него свою дань, отступилъ, и только эти громоздкіе, позвякивавшіе ящики еще напоминали о немъ. „Лишь бы задалась машина“, думалъ Акимъ, укладываясь на ящикахъ. Его клонила дрема.

Домой приѣхали на другой день къ ночи.

Было совсѣмъ темно, деревня спала, но въ избѣ Акима еще свѣтился огонь. Въ воротахъ бѣлѣла высокая фигура дѣда.

— Купили?—съ вдумчивою тревогою въ голосъ спросилъ дѣдъ.

— Купили, тятенька... что Богъ пошлетъ...—тихо, будто оправдываясь, отвѣчалъ Акимъ.

Пропуская мимо подводы, дѣдъ пытливо вглядывался въ возы и говорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ишь, махина какая...

Въ голосъ его была грусть. А подъ сараемъ съ фонаремъ въ рукахъ поджидалъ Матвѣй—работникъ. Тупо оглядѣлъ онъ покупку и, когда сбрасывалъ съ телѣгъ ящики, ругался:

— Ишь, чортова... домовина!..

Акимъ оговорилъ его, и онъ хмуро затихъ.

IV.

Акимъ ждалъ изъ города монтера. Народъ поговаривалъ о жатвѣ.

Мужики, чертыхаясь въ сторону на нерасторопныхъ бабъ, готовились къ работамъ: насаживали на литовки ручники, чинили грабли и вилы. Сидоръ Лукичъ и съ нимъ еще

трое,—всѣ четверо имѣли жатки,—уѣхали въ городъ за частями, обносившимися въ прошлое лѣто.

За воротами Акимовой избы съ утра до вечера кто-нибудь дежурилъ: то самъ Акимъ, то дѣдъ, то Петрунька, забравшійся на вереву, чтобы виднѣе было, то тетка Матрена, хмуро приговаривавшая:

— Купили деймона! Вотъ и охай, вотъ и жди всяка тамъ... ремонтера...

Стоялъ конецъ іюля, когда солнце уже не пылаетъ огромнымъ, знойнымъ костромъ, а покорно, текуче, золотую пылью расходится въ блѣдной синевѣ неба. Воздухъ былъ тонокъ, но тусклъ; все чудилось, что гдѣ-то тамъ, за синѣющимъ уваломъ, горитъ лѣсъ, и до самаго вечера невидимыя руки плели подъ небомъ искристыя нити паутины; одна за другою, нѣжно колыхаясь, летѣли онѣ надъ узорными нивами, сѣрыми дорогами, по улицамъ деревень, пока не хватала ихъ цѣпкая вѣтвь сосны, или коричневый махоръ бурьяна.

Хорошо было за околицей, на просторѣ, и туда тянуло Петруньку. Только страхъ, что монтеръ пріѣдетъ въ его, Петруньки, отсутствіе, усаживалъ дома, а то не видать бы домашнимъ парнишку до поздней ночи. Чтобы не скучать, Петрунька сманивалъ ребятъ къ себѣ на огородъ и оттуда, черезъ прясла, показывалъ имъ коробки машины, сложенные подъ сараемъ. Хотѣлось ближе, да не позволялъ отецъ.

— Неча глазѣтъ, пшли!— гналъ онъ со двора надоѣвшихъ ему ребяташекъ.

Не въ духѣ былъ онъ. Шутка-ли, кое-кто уже въ полѣ, на работѣ, а у него „ни тпру, ни ну“...

„Милѣй бы—и не покупать вовсе“, приходили порою горькія мысли къ Акиму, и тогда онъ избѣгалъ глядѣтъ дѣду въ глаза, рычалъ на Матвѣя, а Матренѣ, ни съ того, ни съ сего, говорилъ, что она дармоѣдка, и такую ее маменька родила... Та испытующе глядѣла на него и невозмутимо кидала:

— Хоша и дармоѣдка, а съ умомъ...

— Это ты... къ чему?—настораживался Акимъ.

— Къ тому-то!.. Поди, поди за ворота, никакъ, ремонтерь...

— У, змѣя!—шипѣлъ Акимъ и уходилъ въ поле, гдѣ часами стоялъ у пшеницы. Тихо подъ вѣтромъ коренились, точно изъ золота сложенные колосья и легохонько звенѣли... Слушалъ Акимъ, и что-то смутное, тревожное подымалось въ его простой душѣ: какъ будто-бы затѣялъ онъ не то, что нужно было здѣсь, среди этого моря звенящаго золота, подъ этимъ блѣднымъ синимъ небомъ. И выползала откуда-то страхъ, недовѣріе къ желѣзному чуду, недвижно покоящемуся у него подъ сараемъ.

И однажды лопнуло терпѣніе Акима. Велѣлъ онъ Матвѣю запрягать чалую и, напившись чаю, не проронивъ слова, уѣхалъ съ работникомъ въ городъ.

Это было утромъ, а въ сумеркахъ того же дня, когда поля наполнились тихими, идущими изъ лѣса вздохами, а въ угасающемъ небѣ, надъ дальнею избою, показался нѣжный серпъ мѣсяца, Петрунька вышелъ за дворъ и свистнуть.

Изъ-за прясель вынырнула бѣлая голова съ шустрыми глазенками. За нею—другая, слегка наклоненная въ сторону, прислушивающаяся.

— Айдайте скорѣй!...—прошипѣлъ Петрунька, взмахивая рукой къ себѣ.

— Уѣхалъ?—отозвалась голова, не трогаясь съ мѣста.

-- Прыгай, давай!...

Легкій трескъ, и черезъ прясла, одинъ за другимъ, перелѣзаютъ четверо. Въ сѣромъ сумракѣ навѣса, какъ осинные листья, шелестятъ голоса.

— Да гдѣ-же?

— Нешто не видишь... Во-о!..

— Уй-ей-е-ей!...

Проворныя смуглыя рученки пытливо нащупываютъ ящики.

— Дерево-то .. гла-а-адкое!..

— Што тебѣ сундуки-и!

— Въ этомъ вотъ—полотнища...—тыкалъ пальцемъ въ ящики Петрунька.—А тута снопоносъ, а тута—колеса, а вотъ те... Гляди!..

Одна голова прикидается къ расщелинѣ въ ящикѣ. Другія ждутъ очереди, нетерпѣливо просовываясь впередъ.

— Ну, видишь?..

Голова молча пыхтитъ съ минуту, потомъ нерѣшительно отзывается:

— Вижу...

— Че видишь-то?..

— Дыкъ... усы каки-то... на-манерь ухвата...

— Дуралей! Апаратъ-то, вязальный... Самъ снопы который вяжетъ...

— О?

— Вотъ те и о!..

— Сама?

— Хи! Сказываль, поди, я... Сама!.. Сама косить, сама ложить, сама связываетъ... Мудреная!.. Да ты... давай сюды... гу!..

Вторая голова съ косичкой на затылкѣ осторожно приближается

— Боюсь я...

— Не съѣсть... Мертвая она... дуреха!..

Ощупали все, постучали кое-гдѣ кулакомъ. Насмотрѣлись. Стоять, не шелохнутся.

— Сто тыщъ версть перли ее, — горячимъ шопотомъ рассказываетъ Петрунька:— Изъ-за грани.. Дошлый народъ пошелъ на сторонѣ.. Въ городу купецъ сказываль: тамъ, говорить, все машинами робять!.. А руками ничего!..

— Лѣннивые, че-ли?..

— Лѣннивые!.. Сказаль тоже... У нихъ, вишь ты, у мериканцевъ-то, и пахота машиной идетъ: заведуть ее, а она и пошла, и пошла! Смаху сто десятинъ... за день!..

— Ухъ, ты!

— То-то!..—Петрунька повышаетъ голосъ:— Живы-здоровы будемъ, на слѣдущъ годъ себѣ таку купимъ... пахать чтобы...

— Денегъ-то дѣ возьмете?..

— Найдемъ!. У дѣда есчо три корчаги есть... Хватить! Да и самъ выправлюсь... робить буду!

Слушатели подавленно молчатъ.

— А то есчо така машина есть,—продолжаетъ снова шепотомъ Петрунька:— Сама, вишь ты, жнетъ, сама молотить, сама мелеть... все заразъ! Прямо на-поле мѣшки съ мукой бросомъ-выбрасываетъ!.. Во-какъ!

И еще долго слышится возбужденное повѣствованіе Петруньки, прерываемое несдержанно звонкими голосами. „Ой—ли!.. Здо-о-орово!.. Ой-ей-ей!“..

Воздухъ наливается мглою, острый серпъ мѣсяца кротко мерцаеть надъ дальнею избой. Крылатый ушанъ рѣветъ надъ навѣсомъ, а изъ двора доносятся тяжелые вздохи домового: скучаетъ, видно... Гдѣ-то, въ концѣ улицы, скрипитъ не то колодезный журавель, не-то телѣга...

— Петрунька а-а! Дѣ-ѣ.. ты-ы-и!..

Подъ навѣсомъ переполохъ.

— Па-а-аршивай!.. Воро-о-ота!..

Петрунька стремительно бѣжитъ впередъ, а позади—дробный топотъ босыхъ ногъ и торопливый трескъ гнилыхъ прясель.

V.

... Петрунька открылъ глаза и видитъ: за столомъ, въ красномъ углу, подъ образами, обвитыми узорнымъ ручникомъ, сидитъ незнакомый парень въ замасленной желтой тужуркѣ и жадно уписываетъ блины, горою возвышающіеся передъ нимъ на мискѣ. Подлѣ дѣдъ трясущимися руками наливаетъ изъ парнаго самовара праздничные стаканы, расписанные цвѣтами. Отецъ, должно быть, только что выпилъ водки, морщится, утираетъ бороду концомъ рубахи и подноситъ гостю чашку, налитую черезъ край, приговариваетъ:

— Кушай, паря... Одождай, миляга!..

У гостя лоснится отъ пота круглый угреватый лобъ, смуглыя щеки, въ темномъ пушку, расплываются въ улыбку:

— Да будетъ-бы!..

Но уступаетъ, водить рукавомъ тужурки по толстымъ маслянымъ губамъ и, поднявъ сытые каріе глазки, беретъ изъ хозяйскихъ рукъ чашку.

— Много лѣтъ вамъ...

— Кушай-ка на здоровье!—отзываются въ одинъ голосъ отецъ и мать. Она стоитъ, опираясь на ухватъ, у печи и улыбается. Половина ея лица, бѣлый платочекъ на головѣ, край высоко подоткнутого подола отсвѣчиваютъ краснымъ заревомъ изъ печной пасти.

Все это—любопытно и празднично-весело... Петрунька вскакиваетъ съ сундука и проворно натягиваетъ штанишки... Не опоздать-бы!..

Изъ оконъ, черезъ сѣтку герани и цвѣтного мака, льется солнце, играетъ на самоварѣ и въ волосахъ дѣда, прыгаетъ зайками по конику и по домотканному бордовому половику.

Вскорѣ всѣ на дворѣ. Незнакомый парень, оказавшійся монтеромъ изъ города, ловко разбиваетъ подъ навѣсомъ ящики сноповязалки, достаетъ и раскладываетъ въ порядкѣ по землѣ рамы, зубчатая колеса, трубки и болтики.

Вокругъ толпятся бабы, дѣвки и мальчишки съ разинутыми ртами; Акимъ оставилъ ихъ въ покоѣ, сосредоточенно слѣдя за каждымъ движеніемъ монтера.

Тотъ, подмигивая дѣвкамъ, то-и-дѣло покрикиваетъ на работника.

— А ну, ты! подай-ка стойку...

Матвѣй вспотѣлъ, покраснѣлъ въ лицѣ и растерянно лапаетъ то ту, то другую машинную часть.

— Да не ту! Эвонъ, съ краю!..

Дѣвки прячутъ лица за спины подругъ, хихикаютъ надъ Матвѣемъ и обжигаютъ монтера лукавыми глазами.

— Ишь, хахаль какой!..

— Бастенькій...

Работа разгорается; часъ за часомъ, изъ разбросанныхъ желѣзныхъ частей растетъ машина. Монтеръ сбросилъ ту-журку, засучилъ рукава и звонко стучитъ молоткомъ. Порою онъ выпрямляетъ спину, отдувается, утираетъ съ лица ребромъ чумазой руки потъ и проситъ квасу.

Дѣвки, на перебой, бѣгутъ въ избу и тащатъ жбанъ. Монтеръ, ослабѣя, хватаетъ вмѣстѣ съ жбаномъ протянутую руку; дѣвка отбивается и звонко смѣется.

Порою онъ, обращаясь къ Акиму, внушительно говоритъ:

— Мотри, эту гайку—въ порядкѣ надо, чтобы повсегда на мѣстѣ...

— Слушаемъ,—покорно отвѣчаетъ Акимъ и вздыхаетъ.

— Ничего себѣ, обвыкнешь!—ободряетъ его монтеръ: — туто, главное, насиломъ не надо! Машина нѣжная!..

— Больно мударено, че-то...

— Пошто мудрено?.. Одинъ гаечный ключъ, немного масла и смекалки... вотъ и все тутъ!

Приходи милой въ ограду,
Подарю тебѣ отраду!..

негромко напѣвають дѣвки.

Растетъ машина... Уже на колесахъ платформа, уже гремятъ цѣпи при поворотахъ зубчатокъ, уже посверкиваетъ на солнце тонкое мотовило, похожее на игрушечный остовъ мельничнаго колеса.

Погожимъ утромъ, когда надъ избами еще висѣлъ молочный пухлый туманъ, изъ распахнутыхъ воротъ Акимова двора, величаво покачиваясь, двинулась на тонкихъ транспортныхъ колесахъ сноповязалка.

Монтеръ, откинувшись на гибкомъ желѣзномъ сидѣнии, увѣренно кричалъ на пару лошадей.

— Эге-е, ше-елу-удивья-я!..

Пестрая шумная толпа изъ подростковъ, бабъ и мужиковъ, во главѣ съ Акимомъ и дѣдомъ, спѣшила вслѣдъ. Позади, верхомъ на чалой, ѣхалъ Петрунька, держа подъ уздцы другую лошадь. Онъ свысока поглядывалъ на людей, нетерпѣливо билъ голыми пятками въ бока чалой и кричалъ:

— Береги-ись!..

Торопливо хлопали калитки, скригѣли ворота; изъ густыхъ космъ тумана выплывали новыя и новыя лица... Вышелъ толстый, краснощекий староста и долговязый лавочникъ, облеченный въ жилетъ поверхъ рубахи, съ длинною, болтающеюся на животѣ цѣпочкой отъ часовъ. Оба какъ-то особенно почтительно поздоровались на-ходу съ Акимомъ и примкнули къ толпѣ... Тѣ, что шли у самой машины, косились на нее и вполголоса толковали.

— Хитро, надо быть, все!.. Забава!..

— Будеть-ли толкъ-то?

— Знамо, будетъ! На то—вершатъ...

— Не скажи...

Мальчишки бѣжали впереди и первые распахнули ворота поскотины.

Всходило солнце, ломкіе лучи вязли въ туманѣ, зажигая его тамъ и сямъ пурпуромъ.

Алая пыль закурилась по дорогѣ, бессильно падая въ толпу.

Стали у грузно кренившейся подъ росую пшеницы.

— Ну, вороти на сторону!—закричалъ монтеръ.—Гей, нечего лѣзть подъ ноги!..

Въ его рукахъ зазвенѣлъ ключъ, забѣлѣли полотна. Онъ приговаривалъ:

— Гляди, хозяинъ, чтобы полотна у тебя по пути были... За пряжками слѣди, слышь?..

Потянулись томительныя минуты молчанія.

— Пошто не приступить?—слышались нетерпѣливые голоса.

— У васъ не спросились!—откликнулся изъ-подъ платформы монтеръ.

— Нельзя,—рокоталъ осипшій басъ старосты:—Вишь, роса, а по росѣ жать негоже!..

— Вѣрно!..

— Пшли, вы!—кричалъ на окружившихъ машину мальчишекъ остролицый, сухонькій и проворный Степанъ переселенецъ.

— Леонафту-то припасли?—слышался его голосъ, полный тона знатока. Степанъ „видаль виды“ и въ Орловской губерніи самъ робилъ у помѣщика на „этакой-то“.

— Поди, припасли,—тихо замѣчалъ лавочникъ, косясь въ сторону монтера.

— То-то!.. Ножи-то поднять надо!..

— Экъ, безъ тебя не знаютъ!..—кричалъ монтеръ.

— Намъ што...—обидѣлся Степанъ.—Мы только...

— Тпру, стой!..

— Затяни постромки!—звенѣлъ уже въ другомъ концѣ голосъ монтера:—Поддай шпагаты!..

Нѣсколько человекъ, толкая другъ друга, услужливо бросились къ нему.

— Она у те, Акимъ, не пужлива?

— Нѣтъ...

— То-то! Разнести могить... впервой-то...

— Винтъ, однако, не на ту... сторону... — встревожился опять Степанъ.

— Къ бабѣ своей ступай! — совѣтовалъ монтеръ. — Ей указывай!.. Сиди, Ерема, дома... Хо-хо...

— И старики сюда-же приперлись! — скалилъ зубы безусый парень.

— Антиресно!..

— Отойдь, ребята! Не напирай!..

— Пшелъ ты, Ванька! Угодишь, чертенокъ, подъ косу...

Дрогнулъ, потянулся вверхъ туманъ: осилили его острія лучей... Зачернѣлъ лѣсъ въ сторонѣ, и вспыхнулъ пшеничный клинъ.

— Уйди, брюхо про-о...

Вдругъ затихли людскіе голоса.

— ...По-о-ррю!.. — Угрожающе предупредилъ монтеръ, косясь на ребятишекъ.

Стали полукругомъ, тѣсно сомкнулись. Ребята, молчаливо, скользкіе, какъ угри, протискивались напередъ. Бабы ловили ихъ за руки и не пускали отъ себя. Лишь тихо, въ рѣдѣющемъ туманѣ, невидимыя, щебетали пташки, да насвистывалъ гдѣ-то въ сторонѣ полевой куличекъ.

Монтеръ постучалъ ключемъ подъ снопоносомъ, покрутилъ ручку у платформы, и она, дрогнувъ, тихо подняла задъ, уставивши острые зубья къ коричневому корневищу пшеницы.

Петрунька горящими глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ монтера: вотъ онъ надвинулъ покрѣпче картузь, взялъ въ руки бичъ, подержалъ, бросилъ его и полѣзъ на сидѣнье. Акимъ торопливо подалъ концы вожжей.

— Ну, Го-о-споди благослови!..

Акимъ первый снялъ кошемную шапку, и всѣ, у кого она была, сдѣлали тоже. Притаили дыханіе. Теперь было даже слышно, какъ густо сопить толстый староста.

Монтеръ тронулъ вожжи и заглянулъ впередъ.

Петрунька перегналъ отца и вскочилъ верхомъ на переднюю лошадь.

— Поше-е-ль!..

Лошади рванули, машина вздрогнула и съ сухимъ шо-

рохомъ, прищелкивая, какъ большая птица, плавно двинулась впередъ.

Люди, толкая другъ друга, давя и напирая, бросились вслѣдъ.

— Но-но-о!—кричалъ монтеръ, упруго откинувшись и сильно, ловко двигая рычагомъ.

— Но-о-о!. О-о-о!..—дружно, восторженно, взмахивая руками, стремительно наступая, ревѣла вслѣдъ толпа.

Въ первую минуту, изъ-за облака пыли, поднявшейся отъ платформы, видна была лишь напряженная спина монтера, да то, какъ плавно, сверкая на солнцѣ, подымались планки мотовила.

„Ш-ш... Ш-ш“...—непрерывно, врѣзаясь въ людской гомонъ, шло сухое и тихое отъ мотовила.

И вдругъ передніе ряды въ толпѣ ахнули: звякнувъ, снопоносъ сбросилъ первую пару сноповъ. Кинулись къ нему, подхватили на руки.

— Ахъ, яз-зви ее!..

— Скрутила-то ка-акъ!..

А впереди желтѣла уже новая связка, и еще, и еще...

Бѣжали по щетинѣ жнитва, спотыкаясь о комья борозды, стремились напередъ.

— Ай, да самогонъ!..

— Ка-а-ки штуки выдѣлывать!..

Теперь было видно все... Мотовило бережно пригибало высокіе ряды пшеницы; срѣзанные у корня, покорно, густымъ пластомъ ложились на полотно стебли, и непрерывнымъ золотымъ потокомъ влекло ихъ вверхъ, къ вязальному столу; проворныя шупальцы упаковщика ловко сжимали стебли въ ровныя кучки, сверкающее остріе замыкалось, и снопы трепеталъ уже въ желѣзныхъ лапахъ снопоноса... Гладко подстриженная щетина дорожкой стлалась позади.

— Ах-ха-ха!.. Ну, ма-а-шина!.. Ха-х-ха-а...

— Ну, и звѣ-ѣр-ры!..

— Оборотень!.. Чортъ ё дери!..

— Теперича жатки фі-ю!.. Никуды супротивъ этой!..

Охали, гикали, и многіе не могли сдержатъ буйнаго, восторженнаго взрыва хохота. Одинъ Степанъ, переселе-

нецъ, „видавшій виды“, молча шагаль у самага полевого колеса, но видно было, что равнодушіе его стоило ему не дешево. Лавочникъ подбѣжалъ къ Акиму, красное, потное лицо котораго расплылось, какъ сдобренное тѣсто.

— Молодецъ, ты, Федосѣичъ!..

— Чего тамъ? — разсѣянно поднялъ тотъ сладко поблещивающіе глазки.

— Молодецъ, моль... Безпремѣнно заведу себѣ!..

Къ нимъ подкатился тощій, весь какой-то корявый, съ суковатымъ носомъ, Омелька-кузнецъ, чинившій на деревнѣ плуги.

— Спрыснуть надо, машину-то!.. — захлебывающимся визгливымъ голосомъ заговорилъ онъ.—Эй, слышь, Федосѣичъ!..

— Правильно! Безъ этого нельзя!..—подхватили вокругъ возбужденные голоса.

— Ладно...

— Посылай!

— Четвертную што-ли?..

— Ведер-рку яс-сно мор-ре!..

— Гезй, Ма-атвѣй!..

Но людская волна подхватила и увлекла за собою и Омельку, и лавочника, и Акима.

— Гляди, гляди!

— По три зачала!..

— По три!.. по три!..

Пышными гроздьями ложились снопы по три въ рядъ, какъ по линіи. Бабы охали надъ тугими связками, тыкали въ нихъ кулакомъ и тщетно пытались разорвать шпагать.

— Не раздерешь!..

— Ловче рукъ!..

— Ахъ, она, лихоманка!..—кричалъ Омелька...—Эй, слышь, дѣдка!.. Смотри-ка чѣ!.. Вотъ дакъ язва!..

Дѣдъ все время шель рядомъ съ Акимомъ, но утомился, отсталъ и одиноко стоялъ, склонившись надъ связкою сноповъ. На окрикъ Омельки онъ поднялъ голову и долго вглядывался въ пьянаго кузнеца, какъ бы соображая, о чемъ идетъ рѣчь. Отозвался не сразу.

— Не дури, Омельяны!.. — голосъ у дѣда дрожалъ: — Тутъ съ молитвой надо, а ты...

Дѣдъ выпрямился и молча сталъ слѣдить за удалявшейся сноповязалкою. Пыль крутилась кое-гдѣ по жнивью, и человѣчій гомонъ пестрымъ эхомъ отдавался въ поляхъ. Дѣдъ поднялъ влажные глаза къ ясной сини неба, напитанной солнцемъ, и тихонько крикнулъ, какъ бы осиливая тяжесть, навалившуюся на него.

Въ сторону деревни скакалъ на чалой работникъ Матвѣй, погоняя взмыленную лошадь ребромъ руки.

— За могоар... чемъ бѣгу!..—крикнулъ онъ на-лету дѣду.

— Че-о?..

— Могоарыч-ч...

Ускакалъ... Дѣдъ пошелъ къ людамъ. Шелъ, не спѣша и часто покряхтывая, подымалъ выброшенные колосья, складывалъ ихъ въ пучекъ и улыбался.

„Ишь,—шепталъ про себя,—машина—не рука человѣчья: ронять“...

VI.

Пришелъ вечеръ, задымились поля, двинулись тѣни по улицѣ, въ темномъ остывающемъ небѣ повисъ остроконечный рогъ мѣсяца.

Петрунька сидѣлъ въ избѣ, припавъ къ подоконнику раскрытаго окна.

Среди двора, въ полумракѣ, насыщенномъ серебристой пылью молодого мѣсяца, возились надъ сноповязалкою Акимъ, Матвѣй и дѣдъ.

— Мотри, не зачепи!—подавалъ голосъ Акимъ, и слышалась его натужная одышка.

— За-адомъ ее...

„Скорѣй бы кончали“—думалъ Петрунка. Его разморило за день. Сладко ныли ноги, все горѣло лицо, и глаза слипались сами-собою.

Мать, хлопотавшая у стола, подошла къ Петрунькѣ и наклонилась къ окну.

— Скоро вы тамъ?—окликнула она.

Ей не отвѣтили. Сноповязалку вдвинули подъ навѣсъ

и загородили пряслами, чтобы не потревожила скотина. Акимъ стоялъ посреди двора и оглядывалъ ее любовно, съ чувствомъ хозяйскаго удовлетворенія.

— На столъ накрыла, слышь!— снова прокричала въ оконце Матрена, теряя терпѣніе.

— Идемъ...

Пришли, принесли съ собою со двора крѣпкій запахъ навоза и пота. Такіе большіе, бородастые, и тѣни отъ нихъ по стѣнамъ—огромныя, на двое ломаются.

— А ремонтерь-то нашъ дѣ?—обезпокоилась Матрена.

— Ищи вѣтра въ полѣ...—осклабился Матвѣй.

— Къ дѣвкамъ, поди, залился,—сказалъ Акимъ.

Усѣлись кругомъ за столъ. У Петруньки отъ усталости ложка изъ рукъ падала, а отецъ, такой коренастый, волосатый, весь потомъ смоченный, бороду разгладилъ, выпросталъ ротъ, перекрестилъ его и зачавкалъ сочно и убористо. И Матвѣй не отставалъ отъ него, только дѣдъ не спѣшилъ чего-то.

— Спать-бы,—проронилъ Петрунька, но никто не отозвался. Вели свой разговоръ.

— Митюшкинъ парень просиль...—бросалъ Акимъ между чавканьемъ.—Шесть рублей давалъ... со шпагатомъ... Я ему: Дешевенько, малый, прибавь... А онъ: не дорожись говорить... А тутъ голытьба новоселая... подошла... Давай, грядъ, намъ... Мы, грядъ, за шпагатомъ не постоимъ... Эвона! Я имъ: ладно, молъ, на-перво свое уберу... Д-да... Заутро, въ самъ-дѣлѣ, къ Синему логу надобно... День пять провозишься...

Голосъ отца все затихалъ, затихалъ и уже какъ будто изъ-за стѣны шелъ онъ, и уже не отецъ то, а большой шмель жужжалъ... Прикурнулъ Петрунька къ плечу дѣда и затихъ.

— Никакъ готовъ,—сказала Матрена.

— О?..

— Ей-же ей...

Акимъ любовно взялъ сына на руки и отнесъ его на кровать.

— П-пусти...—процѣдилъ Петрунька, когда мать тащила съ его ногъ обутки.—Мотовило... прикрѣ...пи...

И, будто, смѣялся кто-то надъ нимъ... А потомъ загомонили вокругъ люди... Ой-ей, сколько ихъ! Вся улица черна-чернешенка отъ народа... И ворота кругомъ: тыръ-тыръ... Преть отовсюду и старъ и малъ... Пыль клубится надъ горячими отъ солнца пряслами, и жмутся къ нимъ бабы—непротолкъ по улицѣ... Рѣка рѣкою льется людъ черезъ ворота поскотины на выгонъ и далѣе, по полямъ... Поля... Ничего нѣтъ, кромѣ желтѣющей вокругъ пшеницы, да упругистой небесной сини надъ ней... „Поше-ель!“—звонко кричить Петрунька и чувствуетъ, какъ мягко колышется подъ нимъ сидѣнье сноповязки. Лошади рвутъ, чалая спотыкается на-ходу, а Петрунька кричить: „Валя-ай!“ Кланяются колосья и падаютъ на бѣлыя полотна, какъ постель... И видитъ Петрунька—не одинъ онъ: по-праву сторону Демка, тоже на сноповязкѣ покачивается, по-лѣву Тишкинъ крестникъ. „А врите, я скорѣе васъ полосу пройду“, думаетъ Петрунька и бодритъ лошадей — бичемъ къ нимъ тянется... А самъ оглядывается... Господи!.. Покуда глазъ беретъ—движутся по полю сноповязки, и нѣтъ имъ счету... „А, васъ во сколько!“ мелькаетъ въ головѣ Петруньки. „Погоди-жъ, я вамъ по-о-окажу“... И вотъ уже не на сноповязкѣ онъ, а подлѣ чудной такой машины, и труба у нея, какъ та, что въ городѣ—на дворѣ склада, чернымъ пальцемъ въ небо уставилась... И гудитъ, и пытитъ машина, и столбомъ мякина летитъ, а зерно сыплется, сыплется... И самодовольно глядитъ по сторонамъ Петрунька, а толпа народа вокругъ—безъ шапокъ... „Ай да Петръ Акимычъ!“ говорятъ вокругъ: „Вотъ это—мужикъ!“ А зерно сыплется, горою растеть... Радостно Петрунькѣ и страшно: ну, какъ рухнетъ гора, да зерномъ сыпанетъ,—затопить все поле, всю поскотину, всю деревню... Сердце сжимается, кровь стучитъ въ вискахъ. „У-ухъ!“—отдувается Петрунька и просыпается.

— Го-осподь съ тобой! Чего ты орешь? Спужался?

Голось дѣда съ голбчика... Сизая муть крутилась въ углу, и дрожало блеклое оконце.

— Я къ тебѣ, дѣданька...—попросился Петрунька, приподымая голову.

— Ладно, иди...

Крѣпко прижался къ старому костистому плечу дѣда и сейчас же снова уснулъ.

На дворѣ чуть брезжилъ разсвѣтъ, а дѣду не спалось... Старому и дня и ночи мало, чтобы перебрать въ памяти прожитое, осмыслить конецъ. Пройдена дорога длинная, такая длинная, что даже память о ней теряется...

Лежить дѣдъ на палатяхъ, къ сладкому дыханію внука прислушивается, и хочется ему все по порядку припомнить, отъ малыхъ лѣтъ, да гдѣ ужъ!..

Одно крѣпко знаетъ онъ: сомутилась жизнь, вихремъ вскрутилась, непонятная стала... Раньше совсѣмъ по другому жили, попросту... И крѣпкій народъ былъ, упористый... По веснѣ, бывало, за соху возьмутся — земля-то — цѣль дернистая...

А потомъ, глядь-поглядь, въ двадцати верстахъ село волостное объявилось, и повалилъ всякій народъ, какъ вода поляя... И вотъ, уже трудно теперь узнать старое: и люди другіе, и сноровка другая, и о сохахъ запомнили...

Всякій норовитъ рубль въ землю вложить, а десять спросить... И ко всему-то машины приноравливають...

Но все — подъ рукою Божіей, и не ему, старому, судить о путяхъ Его... Только, все же... что такое пошло по землѣ?..

Петрунька промычалъ что-то во снѣ и повернулся на бокъ.

— Ась? — наклонился къ нему дѣдъ.

Но Петрунька снова спалъ и тихо, ровно посвистывалъ носомъ.

Вл. Бахметьевъ.

